

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ

В дальнюю дорогу

В тот год двадцать пятого июня мне исполнилось тринадцать лет. Тётушка Эльза разбудила меня утром и сказала:

— Ты уже не маленький, пора самому на хлеб зарабатывать.

Страшно мне стало. Я чуть было не заплакал, но удержался. Тётушка Эльза ведь не злая, а только очень бедная. И ребята у неё мал-мала-меньше.

Поднялся я и последний раз посмотрел на названных сестричек и братьев. Тётушка Эльза нажарила на прощанье полную сковороду картошки и, пока я ел, собрала вещи в дорогу:

— Вот чистая рубашка, вот хлеб и сало. И вот тебе матушкино наследство: верёвочка, которая не рвётся, уголёк, который не гаснет, ключик, ножик и медный грошик.

Довела она меня до лесной тропинки и сунула в руки узелок с вещами.

— Иди на все четыре стороны. Хоть и ростом ты не вышел и смекалкой бог обделил, авось найдёшь своё счастье. Только смотри — никому не отдавай узелок!

Взглянул я на старый бревенчатый дом под соломённой крышей, где прожил десять лет с тех пор, как умерла матушка, и пошёл лесной тропинкой.

Иду и думаю: не такой уж я бедняк. Есть у меня чистая рубашка, хлеб и сало. Есть верёвочка, которая не рвётся, уголёк, который не гаснет, ключик, ножик и медный грошик. Только зачем мне матушка оставила ключ? Ведь дома у меня нету.

Всё гуще и темнее становился бор. Седые лишайники свисали со старых елей, колющие ветви переплелись — не проберёшься. Устал я, сбился с дороги, когда услышал: кто-то идёт по лесу, сучья трещат, и громко поёт:

Турропуто...
Путо... Турро...
Турропуто всё открыто,
Для него всё в мире ясно:
Добрый — глупый!
Злому — счастье!
Турропуто...
Путо... Турро...

Турропуто всё подвластно:
Волки злые...
Вьюги злые...
Лживые огни лесные,
Что выводят на тропинку,
У которой нет начала,
А в конце —
Без дна трясина
И изба на курьих ножках!

Как же я обрадовался человеческому голосу. Даже не успел подумать, что за песенка — странная, страшная, — и изо всех сил закричал:

— Ау!.. Ау!..

В ту же секунду из-за деревьев вышла старушка с клюкой, в белом платке. Нос красный, глаза круглые, как у совы. Но на это чего смотреть? Кто каким родился, таким тому и быть.

Старушка улыбнулась, приложила палец к губам и шепчет:

— Тсс!.. Разве не слышишь, неподалёку бродит колдун Турропуто?! Счастье, что тебе встретишься

такая удивительно, и поразительно, и ужасно добрая старушка. Уж я тебя выведу на тропинку, у которой нет начала, а в конце — без дна трясина и изба на курьих... Тьфу, заболталась, старая... Уж я тебя выведу из лесу к тёплому домику, накормлю вкусным ужином, уложу на мягкую периночку. Давай узелок — устал ведь, я вижу — и скорее из лесу, а то стемнеет...

Я вспомнил прощальные слова тётушки Эльзы и хотел спрятать узелок за спину, но не успел. Старушка цап за узелок, но сразу отдернула руку, вскрикнула, заверещала, подскочила выше самой высокой сосны, закружилась так, что поднялся ветер, согнул деревья, а меня швырнул на землю, завывала «у-у-у» и исчезла.

Встал я и думаю: «Неужели мой уголёк так жжётся?»

Притронулся к узелку, а он совсем холодный, только немного светится. И это очень кстати: уже наступила ночь — холодная, ветреная, ни звёздочки на небе.

Спросил бы я нашу школьную учительницу или тётушку Эльзу про уголёк — что за чудо такое? Они ведь много чего знают! Но некого теперь спрашивать.

Свет всё разгорался. Показалось, что совсем рядом кто-то прошёл, будто пахнуло теплом, и синие-синие глаза взглянули на меня и улыбнулись.

Чего не примерещится ночью в тёмном бору!

Почудилось, что тихий серебристый голос шепчет: «Матушкин уголёк заветный светит только добрым

людям. Злому человеку светят окна ведьминой избушки».

Я взглянул и увидел тропинку. Шёл, шёл по ней, пока не выбрался на опушку, в поле. Поел хлеба с салом, зарылся в стог соломы, подложил под голову узелок и заснул.

А утром вижу — близко, за полем, город.

Впервые в жизни я попал в город. Сколько тут магазинов и мастерских, сколько мороженщиков, которые катят тележки, во весь голос нахваливая свой товар, сколько нарядных прохожих; даже голова закружилась.

Уж как тут не найти счастья!

Но у кого я ни просил работы, все гнали меня — и мороженщик, и сапожник, и повар. Даже гробовщик прикрикнул:

— Иди, иди, малец! Ещё стащишь чего!

Гроб я, что ли, украду?!

Остановился я у портняжной мастерской и думаю: «Ничего не поделаешь, если родился невезучим».

А тут вдруг сам Портняжный Мастер распахнул дверь и поманил меня. Лицо у него важное, нос красный, только что не загорится, глаза круглые и жёлтые, как у совы.

— Сшей, — говорит, — эти два куска материи — синий и жёлтый, да так, чтобы двадцать стежков белыми нитками и десять чёрными. Сумеешь, быть тебе портняжным подмастерьем. Давай узелок, чтобы не мешался, и за дело.

Но я, конечно, узелка не отдал.

До чего же славно сидеть на высоком столе у светлой витрины и орудовать острой иглой, поглядывая на прохожих.

Я очень старался, но только успел сделать двадцать отличных стежков белыми нитками и семь стежков чёрными нитками, когда по улице прошла — или пролетела? — кажется, она не касалась туфельками мостовой — Принцесса. С золотой косой и синими-синими глазами.

Я сразу узнал Принцессу, потому что видел её множество раз в книжке с цветными картинками, которую давным-давно читала мне матушка.

Принцесса была ещё прекраснее той, что в книжке. «Это потому она так чудесно хороша, — догадался я, — что она живая, а не нарисованная».

Принцесса повернула ко мне голову и улыбнулась. Или она высунула язык?

Руки у меня разжались, и материя упала на пол.

Очнулся я от сердитого голоса Мастера:

— Тебе бы только ворон считать!

Я хорошо запомнил эти слова, потому что в ту самую секунду мимо мастерской пролетел белый Голубь.

— Вы видели Голубя? — спросил я Портняжного Мастера. — Вы видели Принцессу?

— Ха-ха! Я же говорил, что тебе только ворон считать, — закричал Мастер. — Убирайся вон! А узелок я заберу за то, что ты испортил работу.

Он схватил меня, но я вывернулся и убежал.

Я шёл куда глаза глядят, пока не услышал сладкий голосок:

— Не ищешь ли работы, мальчик?

На пороге розового домика с голубой черепичной крышей стоял красноносый толстяк с розовыми щёчками и жёлтыми глазами. Он распахнул дверь, и я увидел голубой рояль с откинутой крышкой.

— Если ты выдержишь испытание, то станешь учеником удивительно и поразительно Великого Маэстро, то есть моим учеником, — сказал он, когда я сел на розовый стул перед голубым роялем. — Чтобы достигнуть этого величайшего счастья, тебе придётся исполнить изящнейшую пастораль, сочинённую мною. Ты должен двадцать раз нежнейше, пианиссимо, коснуться белых клавиш, а потом десять раз сильно, крещендо, ударить по клавишам чёрным. Начинай!

Я трогал белые клавиши, а Маэстро, наклонив голову, шептал:

— Сладко! Сладенько! Сладчайше! Наиусладитель-
но!.. Нежно! Нежненько! Нежнейше!.. Умилительно!
Наиумилительнейше! Сверхумилительно!

Иногда он мурлыкал под нос:

Турропуто...
Путо... Турро...
Турропуто всё открыто,
Для него всё в мире ясно:
Добрый — глупый!
Злому — счастье!

Где я слышал эту песенку?
Маэстро легко ударил золотым
камертоном по крышке рояля.

— Так... Так... Ещё усилие, и ты станешь любименьким учеником удивительно и поразительно Великого Маэстро. Так...

В это время мимо окна прошла — или пролетела — Принцесса. Вместо того чтобы двадцатый раз пианиссимо коснуться белых клавиш, я быстро — виво, даже вивиссимо — выско-чил из розового домика Маэстро.

— Куда ты? — крикнул он.

Но что мне было до розового Маэстро, до всех маэстро на свете: ведь впереди шла Принцесса.

Над золотой её головой летел тот самый Голубь.

— Пожалуйста, пожалуйста, не исчезайте, иначе я умру, — сказал я вслед девушке.

Вот теперь она улыбнулась.

А может быть, она высунула язык, или показала нос, или состроила гримасу, став ещё прекраснее. Взглянув на меня, она сказала:

— Когда взойдёт луна, приходи к большому дубу на опушке леса, мой мальчик! Повернись спиной к луне, закрой глаза и отмерь двадцать шагов от дуба к опушке леса, а потом десять шагов от опушки к дубу.

Она исчезла.

Наступила ночь, поднялась луна. Я сделал всё, как велела Принцесса, но не увидел её.

Издали донёсся насмешливый голос:

— С закрытыми глазами счастья не поймать, мой мальчик! Ах, я приказала?! Что ж, ты всегда будешь делать только то, что приказывают? Прощай и не ищи меня.

Сквозь слёзы я увидел: через серебристый столб лунного света пролетел Голубь. Со спины его спрыгнул крошечный гном в красном колпаке.

